

ОЛЬГА ЕРЫШЕВА

ЧУЖАЯ ЖИЗНЬ

РАССКАЗ

Безгранична любовь народа к культуре! И иррациональна — как всякая истинная любовь. Вот, бывает, живет себе человек обычной своей жизнью, забыл, когда книгу в последний раз открывал, но — свято верит в ее великое предназначение. Поскольку ещё в школе усвоил, что книга: а) источник знаний; б) лучший подарок; а главное, наличие книг в доме — признак культурного человека.

И неважно, что книги давно для него источник не знаний, но пыли. И жизни он уже учен-переучен, и свой опыт ценит куда больше книжного — а потому и дарит благоразумно при случае не книги, а что-то посущественнее, чтобы не попасть в неловкое положение. Тем не менее, как элемент декора книги в доме присутствуют по-прежнему. На видных местах — собрания сочинений и авторы поизвестнее. На задворках — всякий прибившийся за жизнь хлам, Дрюон вперемежку с Н. Островским. Все это при случае гордо именуется “моя библиотека”.

Школьные уроки не прошли даром. Читать не читаем, но книги уважаем, и писателей — чтим.

Марина устала за лето, как ломовая лошадь. Сразу несколько заказов подбросили — как обычно, туфту всякую для издательства. Зациклило их на этом фэн-шуйе да на эзотерике. Но заплатить обещали неплохо, а деньги нужны были позарез. Вот и набрала — слегка не рассчитав силы. Сидела за компом по 10–12 часов, барабанила по клавишам как проклятая. Когда не ба-

ЕРЫШЕВА Ольга Петровна родилась в 1957 г. в Гурзуфе (Украина). Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета. Печаталась в журналах «Нёман» и «Немига». Автор нескольких книг для детей. Живет в Минске.

рабанила — рыскала по интернету в поисках нужного для книги материала. Глаза слезиться начинали. Да что глаза! Спина разваливалась. Про мозги — и говорить нечего. От всего этого бреда, что читала да сама печатала, укачивало. Передышки хотелось — безумно. А сроки поджимали.

Казалось, еще чуть-чуть — и все. То ли крыша поедет, то ли геморрой начнется. Еле-еле добила-таки.

А издатель — тут же с новым заказом! Аж содрогнулась.

— Не могу! Уезжаю я! На неделю!

Вот так и решила всё в одну минуту.

Пристроила кота подруге, покидала вещи в сумку — и рванула в Крым. А куда еще в сентябре поедешь спонтанно?

Сто лет там не была. Со студенческих времен. Помнила — горы, море, природа красивая, фрукты дешевые, люди приветливые.

К ценам — не готова оказалась.

Бабки, ловившие на автостанции приехавших отдыхающих, ломили по 20–30 баксов за комнату. На робкий вопрос: “А нет ли жилья подешевле?” — сразу же теряли к ней всякий интерес. Так и стояла с вещами, переминаясь с ноги на ногу, пока одна не спросила от нечего делать:

— А ты кем работаешь-то? Что, на отпуск денег не насобирала?

— Книжки пишу, — ответила Марина. Как обычно, смущаясь. Поскольку ее способ зарабатывать на хлеб ей самой казался жутко несерьезным.

— Писательница, значит... — протянула тетка с уважением. И через минуту раздумья решительно изрекла:

— Пошли со мной. Найду для тебя свободный домик. По твоим деньгам уступлю.

Домик оказался замечательный. Обычный летний сарайчик, но чистенький, в уютном дворике, выходишь во двор — фруктовые деревья ломятся от плодов, виноград под солнцем наливается красками. Благодать! Хозяйка — милейшая особа. Не знает, как угодить. С утра — на крыльце полная миска фруктов. При встрече — улыбка на все лицо. И все норовит то чайку принести, то пирожков домашних. Каждое слово ловит. И ходит кругами. Словно всё не решается о чем-то спросить.

Дня через три такой райской жизни Марине стало неловко. Её все угощают и балуют, пора бы и ей как-то на гостеприимство ответить. Купила пирожных, бутылку сухого вина и пригласила хозяйку скоротать вечер за беседой — если та не против. Та явно обрадовалась, помчалась в дом, вернулась с домашними вкусностями и при параде. Что Марину потрясло — и переодеться, и подкраситься успела.

Вышли по чуть-чуть друг за друга, и хозяйка, осмелев, завела речь о том, что она ведь тоже человек не простой, культуру ценит, и хоть высшего образования в свое время не получила, только техникум, тем не менее, не глупее многих, а в чем-то и поинтеллигентнее будет.

Поскольку людей после выпитого заносит и не в такие дебри, Марина не особо удивилась, только отметила про себя, что хозяйка, похоже, слегка комплексует по поводу своего образования.

— Но я тебе, деточка, как писателю такую историю жизни расскажу! Роман можно написать!

Марина мысленно усмехнулась. Считает тетка свою жизнь достойной романа — да Бога ради. Разъяснять, что романы она не пишет, было лень. После дня на пляже и выпитого вина ее разморило, и она была готова слегка поскучать, внимая истории чужой жизни, лишь бы самой не напрягаться и не говорить ничего.

Но история оказалась и впрямь замечательной. Там была героиня — вечная труженица. В одиночку преодолевающая превратности судьбы. Но на судьбу не ропщущая, нет! А с помощью молитв и благочестивой жизни не оставляющая надежды, что будет и в ее жизни праздник. На каком-то этапе где-то там на заднем фоне маячил муж героини — но особой роли это не играло, поскольку муж был скорее декоративный. То есть во внимание он как-то не принимался. Была злодейка-дочь, по сравнению с которой дочурки папаши Горио казались воплощением любви и заботы. Был *кроткий ангел* —

сын, единственное утешение, но и он вынужден был страдать по вине сестры, этого исчадия ада. И была невинная крошка внучка, дитя развратницы, которую наша героиня уже два года безуспешно пыталась отсудить у матери, — а та устраивала истерики, настраивала девочку против бабушки и нанимала лучших адвокатов — ясно, чем расплачивалась.

Марина уже видела мельком героев истории. Очень красивый молодой человек, необычайно вежливый и застенчивый, помогал ей заносить вещи при вселении в домик. Девочка лет четырех либо играла во дворе, либо висла на матери. Молодая худощавая женщина проходила обычно через двор быстро, торопливо кивая на приветствие Марины, и скрывалась в своей части дома. Девочка устремлялась за ней. Бабушка вслед предлагала ей то прогулку, то сладости, то поиграть, но девочка, похоже, с приходом матери теряла интерес ко всему прочему.

Как раз накануне Марина встретила их на набережной. Женщина, против обыкновения, была оживлена, и Марина не сразу узнала ее — такой юной и счастливой она выглядела, — но к ней подбежала девочка, и какое-то время они немножко прошлись втроем, болтая о пустяках, и мама девочки вовсе не показалась Марине грубой и неадекватной. Напротив, она произвела впечатление очень милой, неглупой и обаятельной женщины, и с девочкой их связывала обоюдная нежность.

Марина по наивности попробовала сказать об этом хозяйке. Поскольку знала, что матери часто склонны ругать своих детей, когда сердятся на них за что-то, — но при этом каждой матери в душе приятно, когда ее ребенка хвалят посторонние люди. И как бы ни был серьезен конфликт между ними, но родные ведь люди. И если ей удастся хоть чуть-чуть подтолкнуть их к примирению, то это будет святое дело.

— Да ты не понимаешь! Уж это-то она умеет — прикинуться овцой! А сама!

И чем дольше Марина слушала бесчисленные жалобы хозяйки на ее дочь — от раннего детства, — тем сильнее ею овладевало сочувствие к молодой женщине. Даже если сейчас она и впрямь чудовище под личиной обычного человека — у нее явно была нелегкая жизнь...

— Она и в детстве была такой! Всегда все наперекор! Вот сын — да. Слова поперек не скажет. Никаких плохих компаний, никогда. Стоит мне только сказать один раз: “С этим не дружи, его отец алкаш”, — всё, даже не подойдет больше. С девочкой познакомился, говорит: “Мама, она мне очень нравится”. Я об этой девочке все разузнала. Ну, про неё ничего плохого не скажу. Но образования никакого, официанткой работает, у матери еще трое, отец сбегал, так она с татарами пугается. Нищета беспросветная. Разве это партия для моего сына? Я ему объяснила, что ничего хорошего из их отношений не выйдет, и не дай Бог, чтобы ещё её мать на него своих дружков-татар направила, чтобы женился, если что. Он и перестал с ней встречаться.

“Ну, прямо”, — засомневалась Марина. Такое послушание у двадцатилетнего парня... Но вспомнила его робкую манеру держаться, ускользящий взгляд... Кто его знает, бедолагу. Может, и впрямь до того забит мамашей с детства, что и сейчас живёт и думает по её указке.

А дочь строптивницей оказалась. Ломали ее, ломали, а никак!

— Всегда такая была! Я ей слово — она мне два! И наказывала, и еды лишала, и сидела взаперти — всё равно. Хоть втихаря, но сделает по-своему! Это муж-покойник, прости его господи, вечно норовил её под защиту взять. Сына-то хоть не успел испортить. И ведь, представляешь, тихий-тихий был, а какую пакость перед смертью сделал! Завещал ей свою часть дома! Я её по-хорошему прошу — уйди! Вон сколько кобелей вокруг вьётся, живи у любого! Нет, упёрлась. “Это моя комната. Мне её папа оставил — чтобы я с дочкой по людям не скиталась”. Как будто я ей с девочкой предлагала уйти! А полгода назад вообще огорошила: “Я, говорит, эту комнату продам, и мы на эти деньги купим себе другое жильё, подальше от тебя”. То есть тут будут жить совершенно чужие люди, а моя внучечка, кровиночка, — неизвестно где. Не знаю, что с нею делать... И от милиции помощи никакой... Куплены они там у неё все, что ли. Или ещё чем расплачивается.

— А милиция-то при чем? Она ведь по закону здесь живёт. Хоть вам это и не нравится.

Против воли Марины, последняя фраза прозвучала довольно неприятно. Сидящая напротив женщина казалась ей все более противной. Та, видно, почувствовала это и всплеснула руками:

— Вот все так! Как начнёшь рассказывать, вечно норовят взять её сторону! Да ты знаешь, она мне ножом угрожала! Родной матери! Я её всего-то и ударила пару раз — довела, зараза, — а она со стола нож схватила, в угол забилась и говорит: “Не подходи, а то зарежу”. “Зарежу”! Матери! Я в милицию звонить, они приехали, мусолили, мусолили, эта тварь лживая что-то там им напелела, они мне и говорят: “Нет состава преступления. Вы бы лучше разобрались как-нибудь по-хорошему”. Сопляк. Я с его матерью в один класс ходила, она у меня на уроках списывала, а он меня жизни учит!

“Возможно, я не права, — думала Марина, — и есть какие-то давние, глубокие обиды, о которых не говорят, потому что слишком больно. Как может родиться такая ненависть? Не раздражение, не гнев, именно — ненависть. Застарелая и неукротимая”.

Слушать дальше было невыносимо, и Марина постаралась перевести разговор на другую тему — на успехи сына: он учился в платном колледже на художника. Мать воодушевилась и принялась расхваливать таланты своего любимца. Как поняла Марина, с признанием у юного дарования пока было не очень, но мать свято верила в избранность сына. Что, впрочем, вполне простительно — для матери. Тем не менее, взглянуть на его работы показалось Марине любопытным — вдруг и впрямь что стоящее?

— А ты попроси его, как будет дома, он тебе покажет. У него ещё хобби есть, он этот, как его... все забываю слово. Ну, у него там в домике всё и посмотришь. А ты какие книги пишешь? Детективы? Женские романы? Может, я читала что?

Марина, запинаясь, попыталась объяснить, что писательница она весьма условная. На Донцову и Маринину не тянет явно. Есть в запасе пара тонких книжечек с рассказиками, и то давних, а так пишет понемногу всякие тексты под заказ, причем даже не художественные, а всякого рода хлам, что заполонил в последнее время прилавки книжных магазинов, типа “Как стать миллионером за одну неделю”. Да и выходят эти книги чаще всего под чужими, раскрученными фамилиями. Что, впрочем, её, Марину, только радует.

Из всего этого хозяйка поняла лишь, что Марина не только слушательница неблагодарная, но и писательница — ненастоящая. Разочарование её было очевидным. Сцену можно было назвать так: “Перед кем метала бисер?”.

Впрочем, она не стала озвучивать свои мысли. Просто потеряла к Марине всякий интерес — и ушла. Не объясняясь. Видно, считала, что и так потратила на Марину слишком много времени.

Марина так устала от неё, что только обрадовалась — и упорхнула на набережную, немного прийти в себя после этого разговора.

Вечером, против обыкновения, никто не встречал ее у калитки с вопросами, как прогулка, да не устала ли она и не хочет ли чаю-кофе-перекусить. Похоже, в роли обычной квартирантки, не известной писательницы, Марина не заслуживала любезности хозяйки. Впрочем, Марину это не слишком расстроило.

Радуюсь, что не нужно ни с кем поддерживать светские беседы, спокойно помылась, попила чаю, а потом углядела свет в домике, где жил сын хозяйки, и решила зайти посмотреть его картины. Позвонила, не услышав ответа, зашла в кухню, чтобы постучать во внутреннюю дверь.

Он был на кухне. Сидел за столом. То ли звонок не сработал. То ли он был так увлечён, что не расслышал. Он явно не ожидал её увидеть — и дёрнулся испуганно, прикрывая собой что-то на столе. Но её взгляд опередил его жест: он был уже именно там... где было залито красным. И валялись какие-то непонятные куски — еще недавно чего-то живого...

Наверное, у нее был слишком потрясённый вид.

— Не подумайте чего худого. Я чучела делаю.

— Чучела? — тупо переспросила Марина. Господи, хоть бы этой мертвой плоти на столе нашлось бы объяснение!

— Да. Я птиц ловлю. И зверей. И набиваю чучела. Только зверей сложно ловить... — пожаловалось ангелоподобное создание.

“Спокойно, — сказала себе Марина. — Люди по-разному зарабатывают себе на хлеб. Кто-то — набиванием чучел”.

Отчего-то раньше таксидермисты (вот оно, слово, которое не могла вспомнить хозяйка!) представлялись ей выжженными жизнью циниками в приличном таком возрасте. Иначе с чего человеку выбирать себе такое занятие? Фактически — потрошить трупы.

— Ты сказал, ловишь. Ты что, из живых их делаешь?

— Конечно.

— Но ведь они — были живые! А сейчас — мёртвые!

Он пожал плечами:

— Всё равно ведь умирают когда-нибудь.

— Тебе за них так много платят?

— Нет, — расстроено ответил парень. — Я вообще-то пытался продать, но никто не покупает.

— Но зачем тогда?..

— Мне нравится. Они такие теплые... и так трепыхаются, когда их убиваешь... — он доверчиво смотрел на Марину ясным взглядом.

“Интересно, — думала Марина в некотором отстранении. — А я ведь тоже тёплая. И наверняка трепыхалась бы, вздумай меня кто выпотрошить. Какое “милое” хобби у молодого человека! И его маменька от этого в восторге! Чем бы дитя ни тешилось... лишь бы не спорило. Ну, хорошо, ещё на несколько лет ему хватит этого клапана, чтобы сбросить агрессию. А что будет потом? И этот его неизменный взгляд в сторону и ускользящая улыбка...”

Но не скажешь же матери: возможно, вашему сыну нужен психиатр. Возможно, ваша дочь все-таки выстоит и когда-нибудь будет жить нормальной жизнью — несмотря на все ваши старания. А вот обожаемого младшенького вы, похоже, сломали... И поможет ли ему кто-нибудь в этом мире? Ему — и тем, кто однажды окажется рядом.

Хозяйка, кстати, прекратила всякое общение с нею. Задевать не задевала, но даже здороваться не считала нужным. Проходила мимо, словно не видя. Не то чтобы Марина нуждалась в этом... но всё-таки ей было несколько неприятно, и Марина еле дождалась, когда истекли оставшиеся два дня и можно было, наконец, уехать. Хозяйка молча забрала ключи от домика, хмуро кивнула на Марино “спасибо”, и Марина побрела с вещами к автостанции — и ужасно обрадовалась, встретив по дороге дочь хозяйки с девочкой. Так приятно было напоследок попрощаться с кем-то тепло и искренне, от души желая ему удачи и стойкости.

Женщины обменялись несколькими незамысловатыми фразами, и в голосе одной звучало понимание и сочувствие — и вторая ответила благодарным пожатием руки — и лицо её озарила улыбка:

— Не волнуйтесь... Я стойкая. Я справлюсь. Мы переедем скоро. Поживем у моих друзей, пока я буду решать, где мы будем жить дальше. — И кивнула на девочку: — Мне её спокойствие дороже.

КРУЖЕВНОЕ БЕЛЬЁ

РАССКАЗ

В последние дни слабая была. Еле по квартире ходила. А потом приби-рала на кухне — и упала. И — головой о косяк.

Вначале думали, обойдется. Отлежится немножко да и встанет опять. Она двузначная была. Никогда и не болела. И по врачам не ходила сроду. Примет какую таблетку, если сердце или почки прихватит, — вот и всё.

Не до болезней ей было. Семья-то — будь здоров. Четверо мужиков. Муж, да два сына, да внук-студент. Не расслабишься. Ещё, конечно, невестка есть, да от неё помощи ждать не приходится — вечно пропадает на работе, приходит еле живая, сил только и хватает — до ванной добраться. Шутка ли — финансово всю семью тянет! Особенно, как они с Серёжей на пенсию вышли... А сыновья за такие копейки работают, что и сказать неудобно. Кризис! А внук — на платном. Образование нынче дорого.

Понятно, что все домашние хлопоты — на ней. Все-таки на пенсии. Вообще-то, если честно, и раньше, когда работала, этот воз на себе тянула. Как-то так получалось. Не мужикам же в домашнее хозяйство впрягаться! Несерьёзно как-то. Муж — должность ответственную занимал, уставал на работе. Ему полноценный отдых был нужен. А дети — учились, потом работали. Тоже уставали. Молодые вообще быстрее устают. У них выносливости меньше. Немножко, правда, надеялась, когда муж на пенсию вышел, что чуть полегче станет... Но... не привык он. То давление, то желудок. Попросишь картошки принести, принесёт, конечно, но обязательно потом или сердце у него разболится, или голова. И целый день то таблетку ему принеси, то окно открой — душно, то воды подай, то окно закрой — холодно. Сэкономленные полчаса боком выходят.

У него вообще здоровье не очень. На работе совсем запустил. Чуть что съест не то — желудком мается. Только с рынка, только свежее может. И понервничает слегка — тоже плохо сразу.

Хорошо хоть, она пугаться перестала. И к болезни привыкаешь. Даже самого близкого человека. Первое время сильно пугалась. “Скорую” вызывала. Как он ругался на неё! Бледнел от гнева. И “скорая” ворчала — что “без дела” беспокоят. А как же “без дела” — если вот он, лежит, стонет, плохо ему?

Так что пусть уж лучше или в парке прогуляется (для нервов полезно, да и сердцу какая-никакая нагрузка), или к соседу сходит телевизор посмотрит, заодно и новости с ним обсудит. Потому что, стыдно признаться, но поймала себя на том, что её немного раздражать стало — когда дел невпроворот, ничего не успеваешь, а ему не терпится ей пересказать, что он только что нового узнал. Да еще с комментариями, конечно.

А что раздражаться-то? Он всю жизнь с людьми работал. Привык к общению. И не просто к общению — а чтобы к его мнению прислушивались. Пробовала только кивать и поддакивать — возмущается:

— Да что ж ты за дура такая! И не слушаешь совсем! Кроме своей стряпни — ну ничем в мире не интересуешься!

Ей, если по совести, и впрямь неинтересно. Ни кого там в президенты в Германии выбирают, ни кто что сказал по этому поводу... Ни какой очередной скандал с каким-нибудь депутатом произошёл... Да с ними вечно какие-то скандалы происходят. И президентов этих — вечно где-то выбирают. И опять выбирают. Где же их всех вспомнишь? Ей — лишь бы войны не было. А всё остальное — это уже так. Лишняя информация.

А ему хочется, чтобы она — вникала. Чтобы слушала его не просто так — а со знанием дела. Чтобы его умозаключения оценить могла. Иногда его, по старой памяти, и поспорить с оппонентом тянет. А какой из неё оппонент? Вот он ей накануне две статьи из какого-то политического журнала читал — да она половины не поняла. Он сердиться начал — я же тебе в прошлый раз объяснял? Объяснял! Но в тот момент она думала о том, что через час дети приедут голодные, а морковки для плова явно маловато, и чем бы её заменить, или всё-таки стоит в магазин по-быстрому сбежать. Вот в голове всё и перемешалось.

А Серёженька любит проверять, что у неё в голове-то осталось после его с нею бесед. Конечно, это ведь каждому обидно покажется — столько времени на неё потратил, объясняя элементарные вещи, а толку — никакого.

Вот что странно... Когда работала, вроде и должность была ответственная, и хвалили постоянно — за то, что толковая. А Серёжу порой почти не понимает. Просила его, чтобы термины ей переводил, — сердится:

— Их любой грамотный человек знать должен!

И впрямь, наверное, от жизни отстала.

А вообще-то... Ей с мужем повезло. У других-то — кто пьёт, кто по бабам бегает. А Серёжа — только по праздникам выпьет немножко. И постоянно — дома. С нею пообщаться норовит. А она ещё и капризничает...

А как боялась когда-то! Что — уйдёт.

Это ведь она его любила без памяти. А он ей сразу, честно, объяснил: все ещё любит прежнюю. Ту, что от него ушла. К другому. И впрямь любил. И фото хранил. И рассказывал о ней часто. И ругал. И восхищался. Прежняя — красавица была. Белая кость. Не нашего полёта птица. Мелькнула — и исчезла.

Как она боялась, что — одумается да вернётся! Ведь Серёже — цены не было. И умница. И собой хорош. Когда он её за руку брал — сердце так и обмирало. Плавилось.

И — порядочный. Когда она забеременела, он даже глазом не моргнул. Ну, расстроился немножко, — но ни о каком аборте даже речи не было. Она-то ко всему была готова. Знала, что не любит.

— Нет, — сказал. — Никакого аборта. Рожай. И давай уж тогда заявление в загс подадим. Чтобы ребёнок рос в полноценной семье.

Как она тогда счастлива была! И верила — вот сейчас он её не любит, не может прежнюю забыть, но её любви — и на двоих хватит. И — растопит она его сердце. Поймёт он, в конце концов, что она ему — самый близкий, самый родной человек.

Сын родился — он доволен был. Очень. Не хотел дочку. Именем отца назвал. Гордился. Сын и впрямь рос умный, красивый. В отца. Способный. А рисовал как! Даже хотел художником стать. Но Серёжа отговорил. Что это за профессия такая? Ни заработков постоянных, ни карьерного роста. Пристроил его по знакомству в Политехнический. Сын, правда, бросил его на третьем курсе — сессию завалил. Да и отказался пересдавать. Ох, сколько тогда крику было! Ну, Серёжа кричал — ему положено, отец все-таки, так ведь и Игорь в ответ не удержался, тоже кричать начал. Гадостей всяких наговорил. Серёжа с собой не совладал — и ударил его по лицу. А Игорь дверь хлопнул — и ушёл. Даже вещей не взял. Потом уже, когда отца дома не было, за паспортом заскочил. Она ему и деньжат тогда подбросила, немножко, правда, сколько было. Серёжа-то запретил ей с сыном встречаться: “Ушёл — значит ушёл!”, — а уж тем более — помогать. А своих денег у неё сроду не было.

Она тогда мужа в первый раз ослушалась. Всё-таки страшновато было — как там Игорь-то, среди чужих людей, совсем без денег. И потом нет-нет да и помогала ему потихоньку — то деньгами, то продуктами.

С деньгами — ох, трудно было. Серёжина зарплата у него на книжке лежала, он снимал сколько нужно — если на что-то целенаправленное. На ежедневные расходы да на коммунальные услуги её зарплату тратили. Она и так привыкла экономить, на чём могла, и чтобы выкроить лишние копейки какие для Игорька, приходилось изворачиваться. То скажет, что в столовой пообедала, — а Серёжа считал, что это неразумно, неэкономно очень, то пожалуется, что обсчитали или потеряла. Серёжа её отругает, конечно, но зато Игорьку что-то да перепадёт.

Тоже характер — отцовский! Деньги берёт — фыркает:

— Неужто дал? Или сама втихаря таскаешь?

Ну, зато спокойна, что сыт.

Слава богу, на работу устроился. Жил у приятеля своего, вот отец приятеля и устроил. А с полгода поработал на стройке — понял, что лучше всё-таки быть специалистом, а не каждой бочке затычкой. Восстановился в институте. И с отцом помирился.

Вздыхнула свободно.

А тут младший подросток. Незаметно. Он тихий рос, *беспроблемный*. Про него и забывали порой. Старший вечно на виду: и на олимпиадах, и на соревнованиях всяких. Его и учителя хвалили, и тренер в секции, про рисование и речи нет, преподавательница от восторга заходила... А младший — тихий такой хорошист. Вроде и претензий к нему никаких ни у кого, но и надежд на него Серёжа никогда не возлагал. “Не моя порода”. И спрашивал с него меньше.

Спокойно окончил школу, спокойно поступил на физфак (даже и не ожидали, что с такой легкостью поступит-то), а в 18 лет огорошил:

— Я жениться собираюсь.

Любовь у него! Такая же соплюха, из тмутаракани какой-то.

Она думала, что у Серёжи инфаркт будет. Так он покраснел. Или сейчас что-нибудь непоправимое сделает. Но — нет. Сдержался. Велел привести невесту в дом — знакомиться.

На завтра на вечер договорились.

Она на работе отгул взяла, квартиру вылизала, напекла-наготовила — нельзя же в грязь лицом!

Пришла такая... совсем девочка. Росточку маленького. Личико простенькое. Только глаза и видны. Она-то боялась, что какая-нибудь... ну, из тех, что огонь и воду прошли, от которых мужчины голову теряют. Но — нет. Просто девчонка. Видно, что и сама влюблена в Антошку, как сумасшедшая. Ей как матери это сразу понятно стало. И — приятно, что уж скрывать.

За столом девочка молчала больше. Смущалась. В основном Серёжа говорил. Он очень толково им объяснил, как безответственно с их стороны сейчас жениться. И — если уж любовь — отчего бы и не подождать до окончания института — заодно и чувства свои проверить.

И Антоше потом сказал:

— Если твоей девушке важен ты, а не прописка и жилплощадь, то пождёт.

Под конец, правда, не выдержал, добавил с досадой:

— Я-то надеялся, что кого себе посимпатичнее найдешь. Хоть росточком повыше! И у кого словарный запас — побольше!

Ну... Антоша не обижался. Он привык отца слушаться. И — даже рад был, что так легко обошлось. Он худшего ожидал.

И ведь прав Серёжа оказался. После института Антоша в аспирантуру поступил, а Катю по распределению в райцентр отправили. Ей там и поработать-то надо было всего два года, и вернулась бы, — а она замуж выскочила. Как Антоша переживал! Почернел весь. Серёжа ему очень сочувствовал. Утешал.

— Хорошо хоть, что пожениться не успели. Да детей завести. Все равно бы убежала! Если уж женщина не способна на верность — значит, не способна.

Отвлекал, как мог. Машину купил. Заставил Антошу на права сдать. Машина для мальчишки — большое дело.

Потом Игорек надумал жениться. Он к этому времени уже более-менее на ногах стоял. Да и с жильём проблем не было — у невесты своя двушка в центре города имелась. Там и жили, пока Игорь бизнесом не занялся да не нарвался на нечестных партнеров, — и пришлось им эту двушку продать и переехать в родительскую. Попробовали с полгода снимать — да уж очень накладно получилось.

Серёжа к их переезду спокойно отнёсся. Тем более что невестка попала не из вздорных. Понимала, кто в доме хозяин. И на рожон не лезла. Да и некогда ей было на рожон лезть — она и тогда целыми днями на работе пропадала. Всё надеялась, что ещё вот-вот — и на квартиру заработает. Откладывала. Пока дефолт все её деньги отложенные не съел. Переживала, конечно, очень... Но... что тут поделаешь?

Потом внук родился. Солнышко. Болел, правда, часто... Помогала невестке, чем могла. Взяла на работе отпуск, потом за свой счёт. Потом на полставки перешла временно — чтобы невестка могла пораньше на работу вернуться. Как он кричал ночами! Колики. Носила на руках, качала — чтобы не будил остальных. На руках — затихал. Одна была мечта — выспаться.

А сейчас... со сном другие проблемы. Бессонница. С двух до четырёх — что ни делай. Нашла, правда, себе неожиданный и очень приятный способ убить это время. Пристрастилась к дамским романам. Все спят. Тишина. А тут — сказка. Так все красиво... Трогательные слова. Пылкие чувства.

В этих романах люди не занимались сексом — предавались любви. Страсти. Женщины позволяли себе быть вздорными. Совершали глупости. И всё равно мужчины рано или поздно говорили им слова любви.

А ещё... Эти женщины были так красивы... они носили кружевное бельё, пользовались изысканными духами... И даже если автор описывал их внешность как неброскую — всё равно было понятно, что эти женщины, все, как одна, привлекательны — чем-то главным. За что их можно было любить.

Ей все больше казалось, что в её собственном романе — романе ее жизни — она никогда не была героиней. Только на второстепенных ролях. Ведь это так обидно! Так хотелось — хоть ненадолго — почувствовать себя прекрасной, желанной. Женщиной.

Временами украдкой разглядывала фотографии Той... Вот кто была героиней!

Я смотрю на её фотографии... Худенькая женщина с правильными чертами лица. Дурно подстриженная (ходила в школу-салон, где пэтэушницы стригли за полцены), бледные губы, грустные припухшие глаза... Скромная кофточка “прощай молодость”. Ни тени косметики.

Серёжа не одобрял косметику. И наряды. Считал, что это — для вертихвосток, а не для порядочных женщин. Она очень хотела быть “порядочной женщиной”. Чтобы Серёжа мог ею гордиться.

Когда она ударилась о косяк и потом не смогла встать, вызвали врача. Врач сказал, что, вероятно, инсульт. Нужно в больницу.

В больнице она всё беспокоилась, а как Серёженька — с его желудком, — не голодает ли. И кто готовит ему его любимые диетические блюда.

Просила виновато:

— Серёжа, прости меня...

Спрашивала тревожно:

— Ты ведь от меня не уйдёшь?

А однажды — в отсутствие Серёжи — попросила сына:

— Антоша... Мне так хочется... у меня никогда не было... купи мне французские духи. Маленький флакончик. И... — улыбнулась застенчиво, — кружевное бельё.

Антоша сказал отцу. Серёжа расстроился, очень. Попросил главврача показать её психиатру.

Они рассказывали эту историю после её похорон. Горевали.

— Вот жила здоровая нормальная женщина! Так мало того, что неожиданно инсульт! Еще и сошла с ума! Подумать только — кружевное бельё!

Я знала, что такое классовая ненависть... Но почувствовала — впервые.